

Морская летопись

ФЛОТ И ВОЙНА

БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ

Г.К. Граф

Морская летопись

Гаральд Граф

**Флот и война. Балтийский
флот в Первую мировую**

«ВЕЧЕ»

1922

Граф Г. К.

Флот и война. Балтийский флот в Первую мировую / Г. К. Граф — «ВЕЧЕ», 1922 — (Морская летопись)

Предлагаемая вниманию читателей книга Гаральда Карловича Графа (1885–1966), старшего офицера эскадренного миноносца «Новик», капитана 2-го ранга, участника Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, эмигранта с 1921 года, является первой частью его большого труда – «На “Новике”. Балтийский флот в войну и революцию», изданного в Германии в 1922 году. Успех «Новика» был феноменален, тираж быстро разошелся, при этом одна часть его была вывезена в РСФСР, а другая прочно осела в частных и общественных библиотеках русской эмиграции. Книгу читали обыватели, морские офицеры канувшей в историю Российской империи, великие князья, либералы русского зарубежья, которые в жизни не имели интереса к морской службе. Читали даже преподаватели советских военных академий и работники ОГПУ по долгу службы... В настоящем издании описан период с начала Первой мировой войны и до конца 1916 года. Автор подробно рассказывает о боевых операциях Балтийского флота, службе и повседневной жизни русских офицеров.

© Граф Г. К., 1922

© ВЕЧЕ, 1922

Содержание

Под флагом империи	6
Морской офицер	6
Беженец	8
Литератор, секретарь, монархист	10
I. Мобилизация и объявление войны. Приказ командующего флотом. Постановка мин на Центральной позиции. Первые действия противника	11
II. Катастрофа крейсера «Магдебург»	15
III. Поход с крейсерами. Минная атака «Новика». Поход Бригады линейных кораблей	19
IV. Поход с крейсерами. Демонстрации неприятеля. Первые действия неприятельских подлодок. Гибель «Паллады»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Г. К. Граф

Флот и война. Балтийский флот в Первую мировую

©Гончаренко О.Г., предисловие, 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Под флагом империи

Морской офицер

История службы остзейских немцев, шведов или подданных Финляндского княжества в Российском Императорском флоте уходит корнями в Петровскую эпоху и сформировала у историков скорее благожелательное отношение к тем людям, для которых Россия стала не просто домом, но жертвенность которых простиралась далеко за границы простой готовности служить государству Российскому верой и правдой. Из них, как, впрочем, и этнических немцев, веками складывались служилые слои империи. Они внесли свой значительный вклад в укрепление государственности и обороноспособности России, а имена многих из них навечно вошли в летопись ее военных и военно-морских побед.

Как и многие из них, выпускник Морского корпуса Гаральд Граф видел своим истинным призванием – службу империи на флоте. Путь к чину мичмана оказался непрост для юного финна, ибо даже поступить из-за большой близорукости в корпус представлялось почти невыполнимой задачей. Выручили семейные связи, пусть и отдаленные – соплеменник и герой обороны Севастополя – престарелый адмирал Оскар Кремер, начальник Главного морского штаба, ходатайствовал за племянника, и небезуспешно.

Учеба в Морском корпусе, если верить аттестации корпусных воспитателей и наставников, была необременительна. Не выказывая особенных успехов, он неизменно характеризовался начальством как «прилежный», «усидчивый» и прочим рядом синонимов, рисующим перед читающим образ кадета «не семи пядей во лбу», но берущего системностью подхода и зубрежкой. Усидчивость и прилежание снискали ему последовательные карьерные ступени в корпусной иерархии – от кадета средних специальных классов до гардемарина.

С началом Русско-японской войны, определенный на службу на транспорт «Иртыш», вошедший впоследствии во 2-ю Тихоокеанскую эскадру адмирала З. Рожественского, Гаральд Граф прибыл на Балтику. У берегов Ливавы транспорт потерпел аварию, и пока чинился, корабли эскадры ушли далеко вперед. Часть снарядов, необходимых для боевых кораблей, сгрузили в Ливавском порту, отправив их во Владивосток по железной дороге, а оставшиеся грузы – уголь, обувь, малокалиберные патроны и 30 тонн пироксилина – громадный и тихоходный «Иртыш», догнавший эскадру лишь у Мадагаскара, так и вез на себе до Цусимы.

Это было далеко не первое плавание юного мичмана, ибо еще в бытность гардемаринком хаживал он в учебные плавания на судах «Моряк» и «Верный», и даже на крейсере 1-го ранга «Князь Пожарский».

Сражение у Цусимы – трагическое не только для флота, но и для всей России, окончилось для мичмана Графа сравнительно удачно. Из двадцати попавших в транспорт японских снарядов лишь один нанес фатальное разрушение, пробив борт ниже ватерлинии. Вода затопила около 10 отсеков, и, получив глубокую осадку, «Иртыш» в ночной мгле, отстав от эскадры, направился к японским берегам. На исходе дня 15 мая 1904 года он затонул у японского о. Хамада. Часть команды, среди которых оказался и наш герой, попала в плен к японцам, где и пробыла около семи месяцев.

После возвращения из плена – снова служба на Балтийском флоте, выезд во Францию, – для приема новых миноносцев, обучение в офицерском Минном классе, последовательное повышение в чинах, служба на миноносце «Трухминец», крейсерах «Аврора» и «Адмирал Макаров» и минном заградителе «Амур».

Биографы Графа сообщают о тесной дружбе, существовавшей между матерью лейтенанта Графа, шведской баронессой Софией Седеркрейц-Энгенштерн и великой княгиней Марией

Павловной Старшей. Без сомнения, это весьма способствовало поступательной и устойчивой карьере молодого офицера, однако справедливости ради стоит отметить, что и две уже упоминавшиеся нами добродетели Гаральда Карловича – прилежание и усидчивость – способствовали продвижению в равной степени.

Отчасти приятельству двух дам способствовало и то, что старший сын великой княгини – великий князь Кирилл Владимирович также был морским офицером, участвовал в Русско-японской войне и чудом спасся после взрыва линкора «Петропавловск» на японской мине. Баронесса держала себя подчеркнуто скромно, всем существом подчеркивая безмерное уважение к члену августейшей династии – великой княгине, что особенно ценила трепетно относящаяся к чинопочитанию Мария Павловна, сама между тем не отказывавшая себе в удовольствии фрондировать перед государем и государыней, и даже создавшая целый прогерманский «салон», наподобие генеральши Богданович. Как бы то ни было, самого автора трудно уличить в германофильских настроениях или принадлежности к политике до поры, до времени. К началу войны 1914 года он, будучи уже примерным семьянином, отошел от тягот корабельной службы, полностью посвятив себя преподаванию в Николаевской военно-морской академии и Минной школе.

Начавшаяся Великая война вернула лейтенанта Графа в строй, а вернее, на палубу. С 11 августа 1914 года он стал младшим минным офицером миноносца «Новик», о чем довольно подробно рассказано в его книге. Началась настоящая боевая работа, отмеченная высочайшими наградами, которая к февралю 1917 года снискала ему чин капитана 2-го ранга и должность флагманского минного офицера начальника Минной обороны Балтийского театра военных действий.

Беженец

Февраль 1917 года переломил жизнь русского флота, сокрушив его обороноспособность, бездумно отменив ценой невероятных усилий военные успехи и достижения, подточив иерархическую основу чинов, поставив морского офицера на грань выживания и состояние социального изгоя.

Едва ли стоит пересказывать трагедию русского офицерства, в том числе и морского, с первых дней «революции» издевавшего на себе не просто моральные унижения и давление корабельной черни, но и безжалостно истреблявшегося по одной и той же схеме под лозунгами «Свободы, Равенства и Братства».

Даже самый легкомысленный дворянин, чью голову в лучшие годы забивали либеральные мысли о «благе народа», в мартовские дни 1917 года искренне пожалел о мягкости законов Российской империи, выславшей подтачивавших государственный строй социалистов в Женеву или Лондон, а в худшем случае – в комфортный климат Туруханского края. Теперь было поздно что-либо исправить, и страна стремительно катилась в пропасть, невзирая на отдельные попытки противодействия.

Флот, пожалуй, как никакой другой, кроме Армии и МВД социальный институт, столкнулся со звериным оскалом грядущего мрака с первых дней отречения государя. Сильные люди – адмиралы и офицеры – умирали с именем императора на устах, шли на матросские штыки, во всеуслышание проклинали предателей и кортиками пробивали дорогу из окружавшей их наэлектризованной демагогическими лозунгами толпы. Слабые – надевали красные банты, братались с утратившими всякий воинский вид матросами, заседали в комитетах и советах, якобы чтобы отстоять права офицерства. Однако какой бы путь сотрудничества с «массами» ими не был выбран, конец большинства оказался похожим. Им не верили, их убивали «для массовости», их презирали. Понявшие собственные заблуждения и бросив службу, пытались скрыться за границей. Иные – шли на поклон новой власти. Падение Временного правительства, сделавшего свое черное дело ниспровержения монархии, дало жизнь правительству большевистскому, еще менее заинтересованному в сохранении флота, как опоры державной власти, ибо ими на первых порах двигала безумная мысль «всемирного пожара» революций. В какой-то мере флот мог бы облегчить эту задачу, но сам его институт был раз и навсегда подорван безответственными семью месяцами правления Керенского.

Желавшие примкнуть к большевикам и служить их целям, к сожалению, нашлись и среди офицеров флота. Перешедшие к ним, сразу вовлекались в политические игры, а исполнявшие долг до конца, нарушая при этом далеко идущие коммерческие планы Троцкого, как выведший от германцев Балтийский флот адмирал Щастный, безжалостно уничтожались, как посягнувшие на выгоды временщиков из состава первого советского правительства.

Круг замыкался, и с каждым днем любому морскому офицеру, не желавшему смириться с создавшимся в стране положением вещей, жизнь настойчиво предлагала делать нравственный выбор: отправиться на Юг, в «Русскую Вандею», чтобы там до конца исполнить свой офицерский долг, выступив против Москвы, или в качестве «военного специалиста» примкнуть к большевикам.

Был, конечно, и третий выход, нечто среднее между протестом и бегством из объятых пламенем родного дома – России. Его избрали для себя многие офицеры, осознавшие к концу 1917 года невозможность примирения с окружающей действительностью и «обнаружившие» у себя неодолимую тягу послужить «исторической родине». В новых, «независимых» государствах, быстро образовавшихся на всем пространстве погибшей Российской империи, их ждали адмиральские и генеральские должности, к их мнениям прислушивались наспех сколоченные «правительства», а иных были готовы выдвинуть и в диктаторы.

Этого соблазна не избежали ни кавалергарды Скоропадский и Маннергейм, ни генерал-адъютанты польского происхождения, ни грузинские полковники, ни адмирал Н.И. Черников-Сокол, а также сонм штаб-офицеров бывшей императорской армии. Не избежал его и Гаральд Карлович Граф, тепло простившийся с экипажем стоящего в Гельсингфорском порту «Новика» и ставший гражданином независимой Финляндии. К чести его нужно сказать, что попытку участия в антибольшевистской борьбе он все же предпринял, как и многие остзейцы и русские немцы, служившие в заведомо обрекаемой на провал Северо-Западной армии генерала Юденича. После поражения печально знаменитого «Похода на Петроград» Граф вспомнил о прежних семейных связях с великокняжеским семейством и следом за великим князем Кириллом Владимировичем отбыл из мало интересовавшей его Финляндии в милую сердцам обоих Германию.

Литератор, секретарь, монархист

Лишь только в эмиграции с Гаральдом Графом стали происходить невероятные метаморфозы. Дважды женатый на русских женщинах, убежденный до поры протестант, он решился принять православие. Оставив карьеру военного моряка и сопряженную с этим возможность подняться до командующего национальными финскими ВМФ, он занялся в Германии литературной работой, прилежно и усидчиво собирая данные по боевому составу русского флота в недавно окончившейся мировой войне. Не лишенный дарования, в течение восьми лет Гаральд Граф выпустил две замечательных книжки, прочно вошедших в золотой фонд морской мемуаристики – «На “Новике”» (1922) и «Моряки» (1930). И, наконец главное превращение, произошедшее с ним в эти годы, – искреннее исповедание легитимного монархизма, выразившегося в безоговорочном признании великого князя Кирилла Владимировича главой Российского Императорского Дома в изгнании и долгая, длиной почти в два десятилетия, работа начальником собственной «Его Величества» канцелярии и личным секретарем.

К сожалению, годы бурной деятельности на ниве сбережения и упрочения монархического наследия оказались перечеркнутыми собственными признаниями Графа в поздних записках-мемуарах заслуг советской власти и бесперспективности восстановления монархической формы правления в России. Этой последней метаморфозы из «легитимистов» обратно в либеральный стан, похоже, не ожидал и он сам.

С кончиной великого князя Кирилла Владимировича и десятилетиями жизни вдали от России Гаральд Граф снова разочаровался в идее православной монархии, стремясь посеять ростки собственного неверия в душе молодого князя императорской крови – Владимира Кирилловича. Бывший личный секретарь «императора в изгнании» теперь всячески убеждал его сына в нецелесообразности заявления собственных прав на престол, в особенности в условиях германской оккупации части СССР. За что был взят под наблюдение гестапо, арестован и отправлен в лагерь Фронтсталаг на территории Бельгии. Молодой князь императорской крови Владимир Кириллович не замедлил отречься от своего старшего наставника, передав тому через администрацию лагеря уведомление об отставке.

На этом монархический этап жизни Гаральда Графа, как представляется нам, завершился. По окончании войны, когда сам князь Владимир Кириллович еще метался по Европе в поисках принимающей стороны в перевернувшемся с ног на голову послевоенном миропорядке, Граф выехал в США. В Новом Свете по закону всякий желающий принять гражданство Соединенных Штатов – этой колыбели невиданного равенства и демократии – отрекается от титулов, дворянских достоинств и иных атрибутов, выделяющих людей среди прочих, и Граф мирно доживал свой век на Восточном побережье.

Сожалел ли он об отречении от дворянства и большого пласта жизни, прошедшей под флагом Российской империи и ее ценностей, нам неизвестно. Объективности ради, отстраняясь от непостоянства убеждений нашего героя, мы должны признать его несомненный вклад в русскую морскую литературу, щедро оставленную потомкам в напоминание о величии и славе Отечественного флота.

*О.Г. Гончаренко
20 апреля 2011 года*

I. Мобилизация и объявление войны. Приказ командующего флотом. Постановка мин на Центральной позиции. Первые действия противника

Головокружительно быстро развивались события, и летом 1914 года война была уже не фантазией, а действительностью. Наш маленький флот, несоизмеримо меньший, чем его противник, лихорадочно готовился принять всю тяжесть натиска сильнейшего врага.

14 июля была объявлена мобилизация¹. Сейчас же, по заранее выработанному плану, все корабли спешно принялись грузить полные запасы снарядов, принимать мины, топливо, смазочные и расходные материалы и так далее. Все дерево, занавески, ковры, различные украшения в кают-компаниях и каютах, лишние запасы парусины, троса и другие горючие материалы свозились на берег. Везде работали не покладая рук. Мобилизация прошла быстро и в образцовом порядке; никаких недоразумений, заминок или задержек не было, и по истечении назначенного срока флот был готов к выходу в море. Отряд заградителей, на который должно было лечь выполнение первой боевой работы, был готов по первому приказанию поставить большое заграждение на Центральной позиции; она шла поперек всего залива, по линии остров Нарген – Поркалаудд.

Наш Балтийский флот тогда состоял всего лишь из четырех линейных кораблей, десяти крейсеров (девять из которых было устаревших), тридцати шести старых миноносцев, пяти подводных лодок старого типа, шести заградителей и «Новика», единственного современного корабля².

Вдобавок еще за несколько дней до этого линейный корабль «Андрей Первозванный» сел на мель и находился в Кронштадтском доке, причем мог войти в строй не раньше, чем через неделю. Таким образом, в самый серьезный момент флот был лишен одного из своих лучших кораблей³.

Новые линейные корабли были еще далеко не готовы, и первые два из них, «Гангут» и «Петропавловск», должны были вступить в строй только через два-три месяца⁴.

Но мало того, что наши силы, по сравнению с неприятелем, были ничтожны. К этому еще надо добавить, что и береговые укрепления на островах Нарген, Вульф и Реншер, предназначенные для защиты заграждения на Центральной позиции, тоже не были готовы: из них успели построить только несколько мелкокалиберных батарей.

Между тем исходя из опыта Русско-японской войны, мы были уверены, что неприятель, с целью заставить наш флот врасплох, произведет нападение, не дожидаясь официального объявления войны. Врасплох он нас не застал бы, но из-за нашей малочисленности имел бы все

¹ Мобилизация Балтийского и Черноморского флотов была скрытно объявлена в 00 ч 00 мин 17 июля 1914 года. Всеобщую мобилизацию в России император Николай II объявил в полдень 18 июля. Ввиду напряженной обстановки часть мобилизационных мероприятий на Балтике началась уже 12 июля по инициативе командующего флотом адмирала Н.О. Эссена.

² К началу войны Балтийский флот включал в свой состав броненосный крейсер «Рюрик» (флаг комфлота), бригаду линейных кораблей (четыре линейных корабля-додредноута), бригаду крейсеров (броненосный крейсер, три крейсера типа «Баян», эскадренный миноносец «Новик»), бригаду крейсеров резерва (броненосный крейсер, два крейсера), 1-ю минную дивизию (1-, 2-, 4-й дивизионы, всего 27 эскадренных миноносцев), 2-ю минную дивизию (3-, 5-, 6-, 7-й дивизионы, всего 19 эскадренных миноносцев, 9 миноносцев), бригаду подводных лодок (1-й и 2-й дивизионы, всего 8 подводных лодок), отряд заградителей (шесть заградителей), а также корабли 2-го резерва, в т. ч. крейсера «Аврора» и «Диана», учебный отряд подводного плавания (четыре подводные лодки), сводный дивизион миноносцев и др.

³ Начало мобилизации застало линейный корабль «Андрей Первозванный» в Кронштадте, где он ремонтировался в доке после навигационной аварии. Корабль присоединился к флоту только 6 августа 1914 года на внешнем Свеаборгском рейде.

⁴ Головной додредноут – «Севастополь» – прибыл в Гельсингфорс и присоединился к флоту 9 ноября 1914 года, «Полтава» – 6 декабря, «Петропавловск» – 22 декабря и «Гангут» – 23 декабря того же года. Корабли были в целом готовы и прошли испытания, хотя еще много месяцев на них продолжались отдельные доработочные и наладочные работы.

шансы на успех. Поэтому, пока на Центральной позиции не было заграждения, все находились в крайне напряженном состоянии, каждый момент ожидая появления в наших водах неприятельской эскадры.

В силу этого, еще до фактического объявления войны, командующий флотом настоял на том, чтобы ему было разрешено поставить мины на главной позиции. 17 июля отряд заградителей, состоявший из «Ладоги», «Наровы», «Енисея», «Амура» и «Волги», под флагом контр-адмирала Канина, вышел на постановку. Для охраны его вышли в море все линейные корабли, крейсера и миноносцы, то есть почти весь наличный флот.

Отряд безукоризненно выполнил эту операцию. Мины ставились очень хорошо; ни всплывших, ни утонувших не было, и только около десяти штук взорвалось, очевидно, из-за каких-нибудь технических недостатков. Всего в этот день отряд поставил более 2200 мин⁵.

Когда постановка была закончена, все вздохнули свободно. Теперь уже неприятелю было труднее пройти внутрь залива, а флоту – легче защитить свои позиции. Неприятель упустил момент, когда, сравнительно легко уничтожив почти весь наш флот, он мог дойти до самого Кронштадта.

После окончания этой операции все большие корабли встали на якорь на Ревельском рейде, а у входа в Финский залив был установлен дозор из миноносцев. В его обязанности входил строгий контроль за всеми коммерческими судами. Для этого они направлялись в Балтийский порт, где после осмотра им давалось разрешение продолжать путь.

Наконец, 19 июля 1914 года была получена радиотелеграмма, извещавшая, что война – объявлена. Подъем духа всего личного состава флота был огромный, и приказ своего командующего по случаю начала войны он встретил с энтузиазмом. Приказ гласил:

«Волею Государя Императора сегодня объявлена война.

Поздравляю Балтийский Флот с великим днем, для которого мы живем, которого мы ждали и к которому готовились.

Офицеры и команды!

С этого дня каждый из нас должен забыть все свои личные дела и сосредоточить все свои помыслы и волю к одной цели – защитить Родину от посягательства врагов и вступить в бой с ними без колебаний, думая только о нанесении врагу самых тяжелых ударов, какие только для нас возможны.

Война решается боем. Пусть каждый из Вас напряжет все свои знания, опыт и умение в день боя, чтобы наши снаряды и мины внесли бы гибель и разрушение в неприятельские боевые строи и корабли.

Неприятель имеет большую силу и опыт; наши ошибки, наши слабые стороны он немедленно использует; надо стремиться, чтобы их было меньше.

Помните, что единственная помощь, которая должна оказываться друг другу в бою, заключается в усилиях атаки противника, напряжении с целью нанести сильнейшие удары ему, используя для этого все свои силы и боевые средства.

Да исполнит каждый из нас величайший долг перед Родиной – жизнью своей защитить Ее неприкосновенность – и да последует примеру тех, которые, двести лет назад, с Великим Императором, своими подвигами и кровью положили в этих водах начало нашему флоту.

Адмирал фон-Эссен».

⁵ В составе отряда заградителей 18 июля 1914 года ставили мины заградители «Амур», «Енисей», «Ладога» и «Нарова». За 4 ч 20 мин они выставили 2124 мины (из них 11 взорвались) в восемь линий, сформировав главное минное заграждение Центральной позиции. *Канин Василий Александрович* (1862–1927) – командовал линейным кораблем «Синоп» (1908–1911), в 1915 году – начальник Минной обороны Балтийского моря, в 1915–1916 годах – командующий флотом Балтийского моря, 10 апреля 1916 года произведен в адмиралы. *Эссен Николай Оттович* (1860–1915) – выдающийся флагман начала XX века, адмирал (1913). Отличился в Русско-японской войне 1904–1905 годов, в 1911–1915 годах командовал Морскими силами и флотом Балтийского моря, создатель школы морской и тактической выучки. В своей книге Г.К. Граф уделил Н.О. Эссену достаточно много внимания.

(Приказ командующего флотом Балтийского моря, 19 июля 1914 г., № 2.)

Все стремились попасть на Действующий флот и завидовали тем, кому это удавалось, так как были убеждены, что война быстро окончится, а потому боялись не принять участия в военных действиях.

Попасть вообще на Действующий флот было мечтой каждого молодого офицера, а попасть на какой-нибудь корабль, вроде «Новика», считалось особым счастьем. Поэтому, когда меня назначили на «Новик», я прямо ликовал. Да и как не ликовать, когда я попал на самый современный корабль нашего флота, да и не только нашего, но и всего мира; на корабль, который по своим качествам неизбежно должен был принять участие во всех операциях, и когда все зависело только от самого личного состава.

Эскадренный миноносец «Новик» был выстроен на Путиловской верфи в С.-Петербурге на средства Комитета по сбору добровольных пожертвований на усиление русского военного флота. Он блестяще выполнил все требования новейшей морской техники, и по своему артиллерийскому и минному вооружению, а также ходу явился одним из лучших судов этого класса в мире.

Спущен на воду «Новик» был в 1911 году. Водоизмещение его – 1280 тонн, артиллерийское вооружение четыре – 105-миллиметровых орудия; минное – четыре двойных минных аппарата; скорость до 37 узлов⁶.

Свое имя он получил в память доблестного крейсера 2-го ранга «Новик», входившего в состав Порт-Артурской эскадры и с отличием участвовавшего в целом ряде боев той войны. После известной попытки нашей эскадры прорвать блокаду противника крейсер «Новик», выполнив задание, погиб 7 августа 1904 года в одиночном бою с японской эскадрой у острова Сахалин⁷. Таким образом, вспыхнувшая летом 1914 года война уже застала в строю нашего флота возрожденного «Новика», которому, принимая участие в обороне родных вод от неприятельского флота, предстояло поддержать честь и славу своего имени.

Неприятель все еще не показывался перед Финским заливом, и только маяк Дагерорт видел на горизонте какие-то подозрительные дымы.

Первой увидела неприятеля Либава. 19 июля перед нею появились два крейсера: четырехтрубный и трехтрубный. Они поставили у входа в аванпорт заграждение, энергично обстреляли порт и город и ушли. Но так как, по плану мобилизации, порт Императора Александра III должен был немедленно эвакуироваться, то действия против него до нас не имели никакого значения.

27 июля, около 11 часов ночи, находясь на параллели маяка Дагерорт, эскадренный миноносец «Новик» неожиданно невдалеке от себя открыл неприятельский четырехтрубный крейсер⁸. Но так как они оба имели очень большой ход, а встреча была внезапной, то почти моментально они потеряли друг друга из виду, не успев даже обменяться выстрелами.

⁶ Эскадренный миноносец «Новик» был построен в 1910–1913 годах на Путиловском заводе с технической помощью немецкой фирмы «Вулкан», поставившей турбины и котлы. При нормальном водоизмещении около 1600 т «Новик» развивал скорость до 36 уз (при мощности 42 000 л.с.) и на вооружении имел четыре 102-мм орудия и четыре двухтрубных минных аппарата для 45-см мин Уайтхеда (торпед). При необходимости мог принимать на палубные рельсы 60 мин заграждения образца 1912 года. Дальность плавания составляла около 1800 миль экономическим (16 уз) ходом. Созданный по инициативе и на средства Особого Комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования «Новик» послужил прототипом для создания эскадренных миноносцев не только в Российском флоте, но и в других флотах мира. Такая направленность в развитии эсминцев (мореходный быстроходный артиллерийско-торпедный безбронный корабль) сохранилась до Второй мировой войны, а отчасти и после ее окончания. В Российском флоте 105-мм орудий не было (они имелись в германском флоте). Автор довольно часто допускает отдельные неточности в цифрах и наименованиях. Так, в обеих своих книгах («Моряки» и «На «Новике»») он упоминает о находившейся в Столовом зале Морского кадетского корпуса большой модели брига «Меркурий». В действительности этот бриг (фактически – полунатурная модель) носил название «Наварин».

⁷ Крейсер II ранга «Новик» был затоплен в августе 1904 года после боя с японским крейсером 3-го класса «Цусима», а не с эскадрой, как утверждает автор.

⁸ «Новик» обнаружил германские крейсера «Магдебург» и «Аугсбург», которые под флагом контр-адмирала Мишке в

Только 4 августа у входа в Финский залив появились неприятельские силы в составе нескольких крейсеров и каких-то еще кораблей, державшихся за горизонтом и заметных только по дымам. Крейсера все время держались на большом расстоянии и пока ничего не предпринимали.

Как потом выяснилось, около 8 часов вечера эти неприятельские силы подошли ко входу в залив на линию Руссарэ – Оденсхольм, причем имевшийся в их составе заградитель поставил в 46-м квадрате большое заграждение. Из донесений начальника службы связи штабу о нем стало немедленно же известно; а на следующее утро все подтвердилось в точности, так как на месте постановки оказалось много всплывших неприятельских мин. Таким образом, оно никакого вреда нам не принесло, и только во время работ по определению его границ взорвались тралы «Проводник» и «№ 8».

5 августа неприятельские крейсера опять появились в виду залива. Очевидно, они хотели выманить наши корабли и таким образом навести их на свое заграждение. Но так как о нем мы уже знали, а кроме того, по донесениям, в составе неприятельских сил находились броненосные крейсера «Роон» и «Принц Генрих», то наши дозорные крейсера «Адмирал Макаров» и «Баян» навстречу им не вышли: дело в том, что ожидать быстрой поддержки было нельзя, так как наши главные силы находились в Гельсингфорсе. Поэтому они только вступили в перестрелку, которая нам и, по-видимому, неприятелю не принесла никакого вреда. Тем не менее это были первые выстрелы, которыми обменялись наши суда с противником.

10 августа неприятель опять появился перед Либавой, но на этот раз только один крейсер, который, обстреляв ее, вскоре ушел.

сопровождении трех эскадренных миноносцев совершали свой первый демонстративный поход в северную часть Балтийского моря. Встреча с «Новиком» заставила Мишке отвернуть и нарушила первоначальный замысел немцев, которые, мягко говоря, растерялись при появлении русского корабля. Однако и «Новик» из-за неисправности радиотелеграфа не смог подробно донести о противнике, ограничившись сигналом «вижу неприятеля». Это не позволило русскому командованию использовать шанс для перехвата германских крейсеров.

II. Катастрофа крейсера «Магдебург»

Прождав «Новик» несколько дней в Гельсингфорсе, я, наконец 11 августа явился на него. Назначен я был на должность второго минного офицера, но не в этом дело, – важно, что я на «Новике»...

На следующий же день после моего прибытия мы пошли в Ревель. Там я имел возможность спокойно ознакомиться с кораблем и со своими новыми соплавателями, с которыми отныне мне предстояло переживать все трудные минуты боевой жизни.

В нашем маленьком флоте все офицеры более или менее знают друг друга, если не лично, то понаслышке, и поэтому, когда являешься на новый корабль, то все же всегда имеешь понятие, кто тебя окружает. На «Новике» подобралась исключительно симпатичная кают-компания во главе с командиром корабля – капитаном 2-го ранга П.П. Палецким⁹, состоявшая из пылкой, беспечной молодежи.

13 августа, в тумане, на Оденсхольмский риф выскочил германский крейсер «Магдебург» и неудачно был взорван своей командой. Мы на «Новике», конечно, были страшно недовольны, что нас сейчас же не послали к месту посадки крейсера, так как благодаря нашему ходу нам, может быть, и удалось бы настигнуть миноносец, который был при «Магдебурге».

Известие о катастрофе «Магдебурга» было получено от наблюдательного поста на острове Оденсхольм, который сообщил начальнику Службы связи, что явственно слышит доносящуюся со стороны моря немецкую речь, но в чем дело из-за густого тумана разобрать не в состоянии. По его предположению, на камни выскочил какой-то неприятельский корабль.

Это известие было немедленно передано в штаб флота, который решил сейчас же послать к Оденсхольму 6-й дивизион миноносцев. Кроме того, туда же с миноносцами «Лейтенант Бураков» и «Рьяный» должен был выйти начальник Службы связи капитан 1-го ранга Непенин¹⁰.

Когда Непенин выходил в море, то ему из штаба сообщили, что в море наших судов нет и что 6-й дивизион выйдет несколько позже. Как-то вышло, что была допущена крупная ошибка: забыли предупредить, что на меридиане Дагерорта держатся крейсера – «Богатырь» и «Паллада». Таким образом, на «Лейтенанте Буракове» были убеждены, что из своих судов никого в море встретить нельзя. Это едва не повлекло за собой трагические последствия.

В море продолжал держаться густой туман. Миноносцы с большим трудом миновали рейдовые заграждения и, благополучно выйдя в море, дали полный ход.

Во время пути пост на Оденсхольме все время ставил в известность начальника Службы связи о происходящем. Все его сведения подтверждали, что на камни у острова действительно выскочил неприятельский корабль, который не может сняться. Далее им удалось выяснить, что это четырехтрубный крейсер и что к нему подошел миноносец.

Вскоре на «Буракове» услышали канонаду, которая, однако, быстро прекратилась. Как потом выяснилось, это неприятельский крейсер обстрелял маяк.

Продолжая идти, миноносцы в тумане не могли открыть острова, но по времени заметили, что они должны были его уже пройти. Поэтому пришлось повернуть обратно и взять курс в пролив между островом и материком.

⁹ Палецкий Петр Петрович (1877—?) – во время Русско-японской войны служил старшим штурманским офицером крейсера I ранга «Диана», на котором участвовал в сражении в Желтом море 28 июля 1904 года.

¹⁰ Непенин Адриан Иванович (1871–1917) – во время Русско-японской войны командовал миноносцами «Расторопный» и «Сторожевой», георгиевский кавалер (1905), вице-адмирал (1916). Начальник Службы связи Балтийского моря (1911–1916) и командующий Морской обороной приморского фронта крепости Петра Великого (1914–1915). Выдающийся организатор службы военно-морской разведки на Балтике в годы Первой мировой войны. С сентября 1916 года командовал флотом Балтийского моря. 4 марта 1917 года, в дни Февральской революции, убит матросами в Гельсингфорсе.

В этот момент вокруг них стали ложиться снаряды. Из-за сильного тумана даже нельзя было разобрать, с какой стороны стреляют. Скоро им удалось выйти из-под обстрела, и почти в тот же момент стрельба прекратилась, а через несколько минут опять началась, с еще большей силой. По звуку выстрелов можно было определить, что это стреляет крупная артиллерия, и так как раньше сообщалось, что выскочивший на камни крейсер – четырехтрубный, то стали предполагать, что это крейсер «Роон».

Между тем миноносцы повернули и пошли вдоль восточного берега острова. К этому времени туман стал понемногу рассеиваться и первое, что бросилось в глаза, было огромное пламя. Оно поднималось от горящих построек вокруг маяка, зажженных снарядами неприятельского крейсера. Потом стал виден и сам крейсер. Его носовая часть была взорвана и совершенно отделена от остального корпуса, и вид был самый печальный, но тем не менее крейсер все время продолжал отстреливаться.

Тогда на «Буракове» приготовились к минной атаке. Но в этот момент по носу открылись два силуэта каких-то больших кораблей, и потому было решено атаковать их, а не крейсер, который сидел на камнях очень прочно и уже никуда не мог уйти.

Разобрать, что это были за корабли, из-за все еще стоявшего тумана было невозможно. Зная же, по сообщению штаба, что в море своих кораблей нет, имелось полное основание считать их за неприятельские. Поэтому, не желая упускать удобного момента, когда передний из них приблизился на прицел, была выпущена мина...

Но корабли круто повернули, и, к своему ужасу, на миноносце увидели, что это крейсера «Богатырь» и «Паллада». К счастью, «Богатырь» заметил шедшую мину и увернулся. «Паллада» же, не разобрав, что это за миноносцы, открыла огонь, и один ее 8-дюймовый снаряд упал так близко от «Буракова», что всех стоявших на палубе окатило водой. Разобравшись, что крейсера эти – наши, миноносцы сделали опознавательные сигналы и, когда «Паллада», дав еще два-три залпа, прекратила огонь, подошли к «Богатырю».

Командир «Богатыря» передал, что неприятель больше не отвечает, и просил подойти к крейсеру, чтобы узнать, в чем там дело. Если же он откроет огонь, тогда наши крейсера снова начнут его обстреливать.

Миноносцы подошли к крейсеру приблизительно на 8 кабельтовых. Крейсер продолжал стоять под флагом, и все его орудия были наведены на миноносцы. Казалось, что он вот-вот откроет огонь, но он не стрелял. Начальник Службы связи приказал спустить вельбот и послал на нем к крейсеру лейтенанта М. Гамильтона с сигнальщиком и гребцами, вооруженными винтовками.

Когда они подошли к борту, лейтенант Гамильтон заметил, что за бортом висит шторм-трап: пристав к нему, он стал взбираться на палубу. При этом он прочитал название корабля: «Магдебург». Поравнявшись с палубой, он увидел, что к нему бегут шесть матросов. Не зная еще их намерений, он выхватил револьвер и вылез на палубу.

Все матросы были безоружны, и их лица не носили характера угрозы, так что револьвер оказался ненужным. Не владея достаточно немецким языком, лейтенант Гамильтон спросил обступивших его матросов, не говорит ли кто-нибудь из них на другом языке. Тогда вперед выступил кондуктор и заговорил на отличном французском языке.

Кондуктор рассказал, что их крейсер выскочил на остров ночью, при полном тумане. Сначала он пытался сам сняться, но из этого ничего не вышло. Тогда был вызван миноносец, но и он не мог помочь. В это время подошли русские крейсера и начался бой. Убедившись, что вести его не имеет смысла, миноносец принял 220 человек команды и ушел. Затем, из оставшихся, еще 45 человек спаслись вплавь на остров, и только шесть человек осталось на крейсере.

Когда кондуктор закончил свой рассказ, лейтенант Гамильтон указал ему на кормовой флаг и объяснил, что хочет его спустить и поднять русский. На это тот ответил, что бой окончен

и дальнейшие действия зависят уже от русских. Тогда лейтенант Гамильтон с сигнальщиком и немецкими матросами отправился на кормовой мостик. Там вместе с сигнальщиком они спустили германский флаг, но никак не могли его отвязать, так как фалы сильно намокли. Видя это, один из немцев сбегал в палубу и принес нож, которым фалы были перерезаны, и тогда поднят Андреевский флаг.

После этого немецким матросам было приказано сесть в вельбот, но тут они сообщили, что на крейсере находится командир корабля. Тотчас же лейтенант Гамильтон послал одного из матросов доложить ему о себе.

Войдя к командиру и представившись, он заговорил по-французски, но командир не понял его, не понял он также и английского языка. Тогда лейтенант Гамильтон стал придумывать, как бы яснее и вежливее выразиться по-немецки, и, собрав все свои познания, сказал: «Wollen Sie nach Torpedo gehen?» – и для большей ясности показал рукой в направлении стоявшего на якоре «Буракова». Командир слегка улыбнулся на это приглашение и ответил, что хотя, мол, ему этого и не особенно хочется, но делать нечего; он только просил разрешения захватить кое-какие вещи. На это, конечно, последовал утвердительный ответ.

Но командир был так расстроен, что, обойдя каюту, только машинально выдвинул ящик стола, потом его сейчас же задвинул и сказал, что он готов. Выходя из каюты, он снял висевший на стене кортик и передал его лейтенанту Гамильтону. Но тот вернул его обратно, сказав, что, пока командир на своем корабле, он не считает себя вправе его обезоружить, и просил его оставить кортик при себе. Это очень тронуло командира, и он крепко пожал ему руку.

После этого все уселись в вельбот и скоро подошли к «Буракову». У трапа командир «Магдебурга» был встречен самим начальником Службы связи и командиром миноносца. Поднявшись по трапу, он первым делом передал свое оружие Непенину.

Тем временем вельбот с «Рьяного» перевозил пленных с острова Оденсхольм. В числе их оказались еще два офицера, которые были совершенно мокрыми и в одних брюках и рубашке, так как после сдачи крейсера спасались вплавь на остров. Они просили разрешения съездить на «Магдебург», чтобы взять некоторые вещи, что им и было дозволено сделать.

Еще так недавно блестящий крейсер теперь представлял собой печальную картину. От взрыва патронного погреба носовая часть до фок-мачты была почти оторвана и представляла грудку железа. Первой трубы и фок-мачты не было: они также были снесены взрывом. Нашими снарядами было оторвано дуло одного орудия, сорвана телеграфная сеть, и в дымовых трубах было видно много осколков.

«Магдебург» сидел на мели приблизительно до командирского мостика, но вся кормовая часть была на чистой воде и в полной исправности. Все механизмы были целы, так что даже при последующих работах по его снятию на нем можно было без всякого ремонта развести пары и его же помпами выкачивать воду.

Внутренние помещения и верхняя палуба находились в хаотическом состоянии – завалены гильзами, патронами, пулеметами, винтовками, койками, офицерскими и матросскими вещами и другими предметами. Как объясняли офицеры, это все было приготовлено для перегрузки на миноносец, чему помешали наши крейсера.

Катастрофа с «Магдебургом» произошла так внезапно, что в кают-компании на столе остались даже тарелки с недоеденными кушаньями и недопитая бутылка пива.

Среди брошенных на палубу вещей случайно оказалась чрезвычайно важная сигнальная книга, второй экземпляр которой был потом найден в руках у одного утонувшего офицера. Очевидно, торопясь пересечь на миноносец, он упал в воду и утонул. Там его нашли водолазы, когда осматривали подводную часть во время работ по снятию крейсера с камней.

Затем всех пленных отправили в Балтийский порт для дальнейшего следования в Ревель.

Тяжело было смотреть на командира и офицеров, которые, видимо, переживали сильную драму. Что же касается пленных матросов, то они относились к происшедшему довольно

безразлично, а машинная команда, которая, по ее рассказам, страшно устала от непрерывных походов с начала войны, даже была довольна, что может отдохнуть.

III. Поход с крейсерами. Минная атака «Новика». Поход Бригады линейных кораблей

19 августа, рано утром, на «Рюрике» был поднят сигнал: «Резервной бригаде крейсеров, полудивизиону и “Новику” приготовиться к походу и по готовности выйти на рейд; ход 16 узлов». Я как раз был дежурным и сейчас же доложил об этом командиру и старшему офицеру. Последовало приказание быстро разводить пары и прогревать турбины.

Вскоре после упомянутого сигнала был поднят второй, которым командиры шедших в поход судов приглашались к командующему флотом. Наш командир сначала переправился на «Сибирский Стрелок» и уже оттуда вместе с начальником дивизии переехал на «Рюрик». Вернувшись к 9 часам, он приказал немедленно сниматься с якоря.

Когда мы вышли на рейд, где я первым вступил на вахту, командир объяснил мне, что мы идем в неприятельские воды. Так начиналась моя первая боевая операция на «Новике».

Через полчаса, доставя свою вахту, я сменился и сошел с мостка; в это время как раз снимались с якоря крейсера «Рюрик», «Россия», «Богатырь» и «Олег», а также полудивизион особого назначения. Войдя в кают-компанию, я застал там других офицеров, которые были в весьма приподнятом настроении, томясь ожиданием узнать, куда мы идем. Томиться пришлось недолго – наше любопытство скоро было удовлетворено старшим офицером, который принес инструкцию похода. По ней выходило, что цель операции – уничтожение неприятельских разведчиков. Для этого отряд в составе вышеперечисленных сил идет по параллели Стейнорт – Хоборг; если до упомянутого района отряд никого не встретит, то должен разойтись в цепь, причем «Рюрик» и «Россия» остаются поддержкой в тылу, а «Богатырь», «Олег» и «Новик» идут к Данцигской бухте. Там «Богатырь» и «Олег» должны обстрелять некоторые пункты, а «Новик» – произвести поиск в самой бухте. Но все же главной задачей всем ставилось уничтожение неприятельских разведчиков.

Когда весь отряд снялся с якоря и вышел за остров Нарген, было приказано построиться в строй кильватера, причем «Рюрик» (флаг командующего флотом), окруженный миноносцами, шел концевым, а в голове колонны шли тральщики.

Благополучно пройдя Финский залив, отряд вышел в Балтийское море, где командующий флотом отпустил тральщики. В данный момент 4 часа дня; на горизонте ничего не видно, и отряд быстро движется на юг. Все готово к бою, а там, конечно, что Бог даст. Хочется верить в успешный исход операции, так как обстановка благоприятствует: по сведениям, большие силы неприятеля сосредоточены в Киле, а в море держатся только разведчики.

С наступлением темноты отряд перестроился по-ночному, причем «Новик» был поставлен в хвосте колонны. Вот уже и половина двенадцатого ночи; пока – все спокойно... Вдруг на горизонте, который, благодаря луне, был совершенно чист, с «Рюрика» увидели два дыма. Адмирал сигналом приказал «Новику» настигнуть и атаковать неприятеля.

Неприятельские же суда, обнаружив наши силы, повернули и стали быстро уходить на юг.

Получив это приказание, мы сейчас же вышли из строя и быстро стали прибавлять ход. Но все-таки мы с трудом настигали уходящего противника, и только когда довели ход до 32 узлов, расстояние стало быстро уменьшаться.

Во время погони у нас была пробита боевая тревога. Я в этот момент спал и, быстро вскочив, побежал к своему месту на юте. Окончательное приготовление миноносца к бою заняло немного времени: через несколько минут все уже было готово и все стояли на своих местах.

Окружающая картина была удивительно красива. Полная луна освещала слегка колеблющееся море, и «Новик», весь содрогаюсь, несясь вперед, одетый в серебро и пену. Нельзя было не залюбоваться – так он был красив и грозен.

Настроение у нас было напряженное, но, в общем, все были спокойны. Неприятель еще не открывал огня, несмотря на то что было уже близко. Расстояние все уменьшалось; вот уж вырисовался и силуэт: это трехтрубный крейсер типа «Аугсбург», а за ним идет миноносец...¹¹ Видно было, что крейсер имеет полный ход, очевидно стремясь уйти как можно дальше от наших сил. Вероятно, он не открывал огня именно потому, что не хотел обнаруживать своего места.

Но вот «Новик» подошел, как казалось, на требуемую дистанцию... Раздался условный звонок с мостика... Сейчас же блеснули четыре яркие вспышки, и мины, загудев, тяжело шлепнулись в воду.

В тот же момент крейсер круто повернул на нас и этим маневром избежал мин. Мы последовали его маневру. Несколько минут он шел за нами, а потом опять круто повернул на юг; мы – тоже. Вскоре, в темноте, мы потеряли его из виду.

В этот момент мы заметили какой-то силуэт корабля слева, и почти все офицеры, находившиеся на мостике, считали, что это тоже неприятель, и советовали командиру его атаковать. Но командир не решился на это, так как в том направлении мог быть «Богатырь», что действительно и оправдалось впоследствии.

Остаток ночи, согласно приказанию адмирала, мы шли к Дагерорту.

Как только мы присоединились к отряду, адмирал приказал нам приблизиться к «Рюрику» и в мегафон стал расспрашивать о ночном походе. После этого мы встали на свое место.

В 4 часа дня я вступил на вахту, но уже через час, когда с «Рюрика» приказали прислать офицера, мне пришлось туда ехать.

Когда я взобрался на «Рюрик», меня потребовали на задний мостик к адмиралу. Взойдя туда, я увидел самого адмирала Эссена, который, быстро схватив меня за рукав, потащил в рубку, где стал расспрашивать подробности нашей ночной атаки. Быть может, адмиралу вспомнилось 27 января 1904 года, когда он, тогда еще капитан 2-го ранга, лихо вел на сближение с японской эскадрой свой крейсер, прежний «Новик». Казалось, какие-то невидимые нити протянулись между нами и связали аналогией фактов, разделенных между собой гранью десяти лет. Та атака была его атакой, а эта – нашей, и ею мы фактически начинали свою боевую кампанию...

После моего доклада адмирал и капитан 1-го ранга Колчак¹² стали объяснять мне предстоящую операцию, которая заключалась в том, что «Рюрик» с «Россией» и полудивизионом, отделяясь от остального отряда, идут между Готландом и шведским берегом на юг. Обойдя Готланд, они должны повернуть и наступать на север. «Богатырь» же, «Олег» и «Новик», установив завесу, идут прямо на юг, с другой стороны Готланда, а с темнотой поворачивают на север. Задачей этого отряда является не пропустить неприятельских разведчиков сквозь цепь; если это удастся, то к утру противник окажется между двумя нашими отрядами.

¹¹ «Новик» встретил «Аугсбург», шедший под флагом контр-адмирала Беринга, и выпустил свои торпеды из невыгодной позиции: с дистанции не менее 40 кабельтовых (по наблюдениям немцев) и находясь от «Аугсбурга» на 4–5 румбов позади левого траверза.

¹² Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – один из выдающихся российских флагманов времен Первой мировой войны, адмирал (1918). В Русско-японскую войну командовал миноносцем «Сердитый», впоследствии служил в Морском генеральном штабе, командовал транспортом «Вайгач», эскадренными миноносцами «Уссуриец» и «Пограничник», в 1913–1915 годах – флаг-капитан по оперативной части штаба командующего флотом Балтийского моря, пользовался особым доверием адмирала Н.О. Эссена, был инициатором и руководителем многих боевых операций, отличался энергией и предприимчивостью. В декабре 1915 – июле 1916 года – начальник Минной дивизии, в июле 1916 – июне 1917 года – командующий флотом Черного моря. В Гражданскую войну принял титул Верховного правителя России. Расстрелян 7 февраля 1920 года в Иркутске по распоряжению Военно-революционного комитета.

Когда я вернулся на «Новик» и шлюпка была поднята, мы сейчас же повернули на юг и с «Богатырем» и «Олегом» установили завесу, но до темноты ничего на горизонте не видели и, согласно инструкции, повернули на север.

Ночью мы на «Новике» дважды были сбиты с толку дымами «Богатыря» и «Олега» и даже пытались гоняться за ними, но, к счастью, вовремя распознавали ошибку и все обходилось благополучно. Конечно, виною тому была наша неопытность, но ведь она вполне понятна и простительна, так как война еще только началась.

Неприятеля за всю ночь мы так и не видели. Утром было получено радио от командующего флотом, что он повернул обратно, не обойдя Готланд. Как потом выяснилось, приблизившись к шведским берегам, отряд встретил шведские военные суда и пароходы. Имея же особо серьезные инструкции правительства не вступать в конфликт со шведами, адмирал не считал возможным идти дальше.

Утром все суда отряда благополучно соединились и пошли обратно в Ревель.

Там из газет мы узнали о первом, сравнительно большом столкновении между германскими и английскими морскими силами. 15 августа, пользуясь туманом, английские силы, состоявшие из двух линейных крейсеров типа «Лайон», нескольких броненосных крейсеров, двух – легких и 40 миноносцев, стали подходить к Гельголанду. Они встретили несколько легких германских крейсеров и миноносцев и вступили с ними в бой. Он был непродолжителен, но очень жесток. В неравном бою погибли от мины легкий крейсер «Майнц» и от артиллерийского огня крейсера «Ариадне» и «Кёльн», а также миноносец «V-187».

Английские газеты сильно раздули успех своего флота, хотя, в сущности, в этом бою на их стороне оказался такой перевес в силах, что другого исхода и не могло быть. Нельзя не отметить мужества, с каким сражались маленькие крейсера против современных, огромных линейных крейсеров.

25 августа нас срочно вызвали на рейд ввиду того, что получили сведения о приближении неприятельской эскадры в составе четырех линейных кораблей типа старых «Кайзеров», броненосного крейсера «Блюхер», двух легких крейсеров и одиннадцати миноносцев.

Выйти навстречу неприятелю наши силы в этот день не успели, так как линейные корабли и «Рюрик» еще только возвращались с погрузки угля в Гельсингфорсе. Поэтому мы простояли целый день на рейде и только были предупреждены, что на следующее утро в 4 часа будет поход.

Действительно, ровно в 4 часа утра был поднят сигнал: «Сняться с якоря». В состав эскадры вошли: «Рюрик», Бригада линейных кораблей, «Новик», семь миноносцев 2-го дивизиона с тралами и четыре миноносца 1-й группы 1-го дивизиона.

Походный порядок был следующий – кильватерная колонна во главе с «Рюриком», который, окруженный миноносцами, шел под флагом командующего флотом; впереди эскадры шел 2-й дивизион миноносцев с тралами. Погода была прекрасная; волны почти не было, и наши миноносцы только слегка покачивало от старой зыби. Ход был от 8 до 10 узлов.

Неприятеля все еще не было видно, но, по частным сведениям, его суда как будто проникли в Ботнический залив. Поэтому около 3 часов дня командующий флотом приказал нам идти в Оландсгаф и произвести разведку, и если мы обнаружим неприятеля, то немедленно донести об этом, а самим стараться его атаковать.

Мы дали 26 узлов и к 6 часам вечера уже были в виду шведских берегов. Вдруг на горизонте показался дым, потом стали вырисовываться мачты, труба и корпус. Несомненно, это был военный корабль, но, увы, не германский, а шведский – броненосец береговой обороны типа «Оден» и при нем миноносец типа «Магне». Командир, имея инструкцию не тревожить шведов, не хотел подходить очень близко к ним, а поэтому мы повернули на юг. Пройдя этим курсом столько, чтобы шведские корабли скрылись из виду, мы повернули опять в Оландсгаф, осмотрели его и, когда стемнело, пошли обратно в Финский залив. Во избежание встречи с

нашими судами в темноте, мы всю ночь крейсировали около банки Олег и только около 8 часов утра присоединились к главным силам. В 9 часов эскадра обнаружила подводную лодку, которая оказалась нашей «Акулой». Командующий флотом послал «Новик» спросить ее, куда она идет.

Командир «Акулы» сообщил, что возвращается из крейсерства у острова Готланд, где он обнаружил неприятельский крейсер, но так близко, что атаковать не успел. После этого «Акулу» заметили два неприятельских миноносца, открыли огонь и стали за нею гоняться. Тогда она выпустила мину, которая, однако, прошла под миноносцем. Стремясь избавиться от преследования, «Акула» погрузилась и в таком состоянии пошла по направлению к шведским берегам; когда потом она всплыла, миноносцев больше не было.

После опроса «Акулы» мы вступили в строй, и эскадра продолжала путь в Финский залив.

В заливе на пути попались три плавающие неприятельские мины, из которых две были моментально расстреляны и взорвались, а третью, так как она ни за что не хотела взрываться, пришлось утопить. По-видимому, у неприятеля не очень-то надежные минрепы: после первой же свежей погоды их стало обрывать.

Около 4 часов дня эскадра подошла к Оденсхольму, и у места гибели «Магдебурга» все застопорили машины. Его теперь готовят к съемке; если позволит погода, то через несколько дней он будет снят и отведен в Гельсингфорс для починки.

Когда эскадра остановилась, к «Рюрику» подошел миноносец «Казанец» и командующий флотом, перейдя на него, отправился осматривать «Магдебург». После осмотра адмиралом крейсера эскадра продолжала путь и в 7 часов вечера встала на якорь на Ревельском рейде.

IV. Поход с крейсерами. Демонстрации неприятеля. Первые действия неприятельских подлодок. Гибель «Паллады»

28 августа «Новик» простоял в Ревеле, а на следующий день нас послали в Гельсингфорс, так как адмирал любил, чтобы мы были всегда там, где находится он. О неприятеле в эти дни ничего не было слышно.

У нас поговаривали о скорой готовности наших дредноутов, и тогда мы надеялись, что, может быть, будут предприняты наступательные действия, но это пока еще были только разговоры.

31-го числа нас послали в Ревель, чтобы принять участие в маневрировании Бригады линейных кораблей.

В этот день стало известно, что неприятель снял с маяка Богшер пост Службы связи. Когда к маяку подошли посланные туда миноносцы «Охотник» и «Кондратенко», то они увидели, что в башне маяка имеются попадания снарядов, а внутри нее остались следы пожара; все люди и вещи исчезли.

На следующий день, в 6 часов утра, совместно с Бригадой линейных кораблей и «Дианой» мы снялись с якоря и пошли на маневрирование. Задания его были несложны. Мы с «Дианой», изображая неприятеля, идем навстречу линейным кораблям. «Новик» идет впереди и, заметив противника, извещает свои силы о его местонахождении. В это время линейные корабли стараются занять выгодное исходное положение. После этого «Новик» вступает в кильватер «Диане», изображая хвост колонны, а линейные корабли, ведя бой, стремятся охватить голову наших сил. В первом случае мы с «Дианой» идем постоянным курсом, а во втором – переменными. Маневры заканчиваются тем, что «Новик» как миноносец атакует бригаду, а та стремится уклониться от мин.

В общем маневры прошли довольно вяло, и, конечно, бригада легко уклонилась от нашей атаки, так как ей была предоставлена свобода маневрирования.

По окончании маневров все пошли в Гельсингфорс, а на следующий день «Новик» перешел в Ревель, где и остался до 8 сентября.

9 сентября стали приходить тревожные известия о приближении неприятельских миноносцев к Виндаве. Поэтому нам приказали наутро быть готовыми к походу.

10 сентября, в 9 часов утра, с «Рюриком» (флаг командующего флотом), «Палладой» и «Баяном» мы вышли к банке Аякс, а оттуда на ночь на Лапвикский рейд.

По донесениям, вчера неприятель в количестве восьми миноносцев подходил к маяку Бакгофен и пробовал высадить десант, но, встреченный пулеметным огнем команды поста, ушел. На следующий день к Виндаве подошла уже целая эскадра, состоявшая из девяти линейных кораблей, восьми пароходов и двадцати одного миноносца. Зачем они подходили, так и осталось невыясненным, ибо в скором времени, ничего не предприняв, все суда ушли.

Ввиду этого нам было приказано принять мины и идти к Виндаве, чтобы на следующее утро поставить их там, но скоро это приказание было отменено, и мы с «Рюриком», «Палладой», «Баяном» и «Адмиралом Макаровым» вышли в море. У входа в Финский залив эскадра встретила две датские шхуны, и командующий флотом приказал нам осмотреть их. Поехал осматривать я, но ничего подозрительного на них не обнаружил. Они обе шли из Балтийского порта без всякого груза в Данию. К вечеру эскадра окончила крейсерство и пошла на ночь на рейд Севастополь.

Утром, в 6 часов, мы опять снялись с якоря. Погода была очень туманная и тихая. Во избежание недоразумений командующий приказал поднять кормовые флаги самого большого

размера, чтобы их легче было разобрать издали. В Финском заливе эскадра опять встретила два коммерческих судна; одно было голландским пароходом, другое – датским. Нам приказали их осмотреть. Оказалось, что оба они выпущены нашими властями и идут совершенно пустые.

Затем мы продержались до вечера в море, а ночевать опять пошли на Лапвикский рейд.

По сегодняшним донесениям неприятель больше у Виндавы не показывался. Но все же для проверки было приказано 1-й минной дивизии пройти вдоль всего западного берега, на 5 миль южнее маяка Пограничный. Выполняя это приказание, дивизия только под самый конец, за маяком Пограничный, на горизонте увидела два неприятельских миноносца, которые, заметив столь большие силы, стали быстро уходить на юг.

Из событий этих дней необходимо отметить гибель у берегов Голландии трех английских броненосных крейсеров – «Абукира», «Хога» и «Кресси». Это не имеет отношения к нашему театру войны, но очень интересно с точки зрения военно-морской тактики.

9 сентября германская подлодка «U-9», встретив эти три крейсера в море, немедленно их атаковала. Первой ее жертвой был крейсер «Абукир», шедший средним. Мина попала ему в патронный погребок, и почти моментально он затонул. Тогда остальные крейсера застопорили машины и стали спасать его команду. Этим сейчас же воспользовалась подлодка, которая потопила сначала крейсер «Хог», а потом и «Кресси».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.